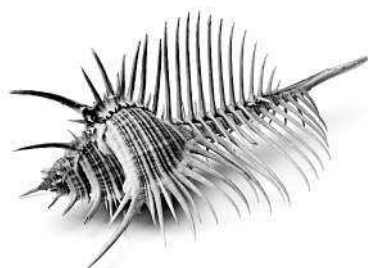

мураками
мария

Харуки Мураками

*Качка
на пляже*

Москва
2018

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Haruki Murakami
UMIBE NO KAFUKA
Copyright © Haruki Murakami, 2002

Перевод с японского *Ивана и Сергея Логачевых*

Оформление серии *Андрея Старикова*

Мураками, Харуки.

М91 Кафка на пляже / Харуки Мураками ; [пер. с яп. И. и С. Логачевых]. — Москва : Эксмо, 2018. — 672 с. — (Мураками-мания).

ISBN 978-5-04-097605-8

«Я заметил, что на груди белой майки налипло что-то черное, по форме — вроде большой бабочки с раскрытыми крыльями... В мерцающем свете люминесцентной лампы стало понятно: это темно-красное кровавое пятно. Кровь свежая, еще не засохла. Довольно много. Я наклонил голову и понюхал пятно. Никакого запаха. Брызги крови — совсем немного — оказались и на темно-синей рубашке, где она была не так заметна. А на белой майке — такая яркая, свежая...»

Кошмарное странствие по лабиринтам души современного Эдипа — в романе Харуки Мураками «Кафка на пляже».

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018
© Логачев С., Логачев И., перевод
на русский язык, 2018

ISBN 978-5-04-097605-8

Парень по прозвищу Ворона

— **А** с монетой у тебя как? Решил вопрос? —
Интересуется парень по прозвищу Ворона. Он говорит, лениво растягивая слова. Такая у него манера. Словно только что очнулся от тяжелого сна — мышцы рта отяжелели и еще плоховато слушались. Но это все видимость, а на самом деле сна ни в одном глазу. У него так всегда.

Я киваю.

— И сколько?

Снова пересчитываю в уме и отвечаю:

— Наличными тысяч четыреста¹. Да еще в банке на карточке немного. Конечно, маловато, но пока обойдусь как-нибудь.

— Куда ни шло, — говорит Ворона. — *На первое время.*

Я киваю.

— Денежки-то, поди, не Санта-Клаус на Рождество принес? — продолжает он.

— Нет.

Ворона кривит насмешливо губы и оглядывается по сторонам.

¹ Примерно 3600 долларов. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

— Откуда взял? Не иначе как вот здесь, кое у кого из ящика, а?

Я молчу. Понятное дело, он знает, что это за деньги. К чему все эти вопросы — вокруг да около? Специально подразнить меня хочет. Вот и все.

— Ладно, — говорит Ворона. — Тебе деньги нужны. Без них никак. Вот ты их и достал. А как — в долг взял, позаимствовал тайком, украл... Какая разница? Денежки-то все равно твоего отца. На какое-то время должно хватить. Но вот потратишь ты четырехста тысяч или сколько там у тебя — и что дальше? Деньги в кошельке, как грибы в лесу, не растут. Есть надо, спать где-то. Кончатся деньги-то.

— Тогда и думать буду, — говорю я.

— *Тогда и думать буду*, — повторяет за мной Ворона с таким видом, будто взвешивает мои слова на ладони.

Я киваю.

— Например? Работу найдешь?

— Наверное, — отвечаю я.

Ворона качает головой.

— Ну ты даешь! Ты еще жизни-то не знаешь. Какую работу найдешь у черта на рогах? Тебе ж пятнадцать всего. Еще в школу ходишь. Кто такого возьмет?

Я чувствую, как краснею. У меня так постоянно: чуть что — сразу краснею как рак.

— Хорошо. Не будем о плохом, когда еще и не сделано ничего. Решил — значит, решил. Теперь остается делать. Это *твоя* жизнь, в конце концов. Как задумал, так и действуй.

Все правильно. В самом деле, это же *моя* жизнь.

— Хотя я тебе скажу: покруче надо быть, а то ни фига не получится.

— Стараюсь, — говорю я.

— Да уж давай. Ты за последние годы силы прибавил. Заметно. Это факт.

Я киваю.

А Ворона продолжает:

— И все равно: тебе всего пятнадцать лет. Жизнь, мягко выражаясь, только началась. Сколько ты еще на этом свете не видал! И вообразить себе не можешь.

По обыкновению, мы сидим с ним на старом кожаном диване у отца в кабинете. Вороне тут нравится. Он прямо тащится от понатыканных в кабинете разных хрупких вещиц. Вот и сейчас вертит в руках пресс-папье — стеклянную пчелку. Хотя, когда отец дома, мы, конечно, и близко к кабинету не подходим.

— Мне все равно надо отрываться отсюда. Обратного хода нет.

— Так-то оно так, — соглашается Ворона. Ставит пчелку на стол и закидывает руки за голову. — Хотя все равно этим ты всех проблем не решишь. Может, я тебя опять с пути сбиваю, но ты подумай: ну убежишь куда-нибудь... ну, предположим, далеко — и что? Думаешь, с концами? Чем дальше, тем лучше? Я бы на это особо не рассчитывал.

Я снова задумываюсь: стоит ли ехать далеко или поближе сойдет? Ворона вздыхает и надавливает пальцами на веки. Закрывает глаза и вещает из своего мрака:

— Поиграем в нашу игру?

— Давай, — откликаюсь я, зажмуриваюсь и медленно набираю в грудь воздуха.

— Поехали? Представь себе стра-а-а-ш-шнюю песчаную бурю. Выкинь остальное из головы.

Делаю, как он сказал: представляю *стра-а-а-ш-ш-ш-ную песчаную бурю*, выбрасываю из головы все остальное. Даже самого себя забываю. Превращаюсь в пустое место. И сразу все вокруг меня плывет. А мы с Вороной сидим, как обычно, в отцовском кабинете на старом диване, и это все наше, общее...

— Судьба иногда похожа на песчаную бурю, которая все время меняет направление, — слышу я голос Вороны.

Судьба иногда похожа на песчаную бурю, которая все время меняет направление. Хочешь спастись от нее — она тут же за тобой. Ты в другую сторону — она туда же. И так раз за разом, словно ты на рассвете втянулся в зловещую пляску с богом смерти. А все потому, что эта буря — не то чужое, что прилетело откуда-то издалека. А ты сам. Нечто такое, что сидит у тебя внутри. Остается только наплевать на все, закрыть глаза, заткнуть уши, чтобы не попал песок, и пробираться напрямик, сквозь эту бурю. Нет ни солнца, ни луны, ни направления. Даже нормальное время не чувствуется. Только высоко в небе кружится белый мелкий песок, который, кажется, дробит твои кости. Вообрази себе такую бурю.

И я вообразил: белый смерч поднимается в небо столбом, напоминая толстый скрученный канат. Плотно зажимаю обеими руками глаза и уши, чтобы песчинки не проникли в тело. Песчаный смерч движется прямо на меня. Он все ближе и ближе. Я кожей чувствую, что ветер еще далеко, но уже давит на меня. Сейчас проглотит...

Ворона мягко кладет мне руку на плечо, и буря исчезает. Но я не открываю глаза.

— Ты должен стать самым крутым среди пятнадцатилетних. Что поделаешь: хочешь выжить в этом мире — другого выхода нет. А для этого нужно самому понять, что это такое: стать по-настоящему крутым. Понимаешь?

Я не отвечаю. Чувствую на плече его руку, и мне хочется взять и заснуть прямо сейчас. До меня доносятся еле слышное хлопанье крыльев.

Я погружаюсь в сон, а Ворона тихонько шепчет мне в самое ухо:

— Ты должен стать самым крутым среди пятнадцатилетних. — Словно темно-синими чернилами наносит татуировку на мое сердце.

Ты, конечно же, выберешься из этой жестокой песчаной бури. Метафизическая, абстрактная, она тем не менее, словно тысячей бритв, немилосердно кромсает живую плоть. Сколько людей истекают кровью в этой буре? Твое тело тоже кровоточит. Течет кровь — теплая и красная. Ты набираешь ее в ладони. Это и твоя кровь, и чужая.

Когда буря стихнет, ты, верно, и сам не поймешь, как смог пройти сквозь нее и выжить. Неужели она и впрямь отступила? И только одно станет ясно. Из нее ты выйдешь не таким, каким был до нее. Вот в чем смысл песчаной бури.

Когда мне исполнится пятнадцать, я уйду из дома, приеду в далекий незнакомый городок и поселюсь там в маленькой библиотеке, в каком-то закутке.

Конечно, если рассказывать обо всем по порядку, во всех деталях — на это уйдет целая неделя. Но, в общем, суть такова: **Когда мне исполнилось пятнадцать, я ушел из дома, приехал в далекий незнакомый городок и поселился там в маленькой библиотеке, в каком-то закутке.**

Может быть, это похоже на сказку. Но это не сказка. С какой стороны ни посмотри.

Глава 1

Уходя из дома, я забрал из отцовского кабинета не только деньги. Прихватил и старую золотую зажигалку (мне нравилось, как она сделана, — приятно ощущать ее тяжесть в руке) и острый складной нож. Такими свежуют оленей. Увесистая штуковина, ладонь оттягивает. Лезвие — двенадцать сантиметров. Откуда он у отца? Может, за границей подарили? Взял из ящика стола мощный карманный фонарь. Еще солнечные очки нужны, чтобы никто не знал, сколько мне лет. Фирменные «Рево» с темносиними стеклами оказались в самый раз.

Я замахнулся было и на «Ролекс-Ойстер», которыми отец очень дорожил, однако, поколебавшись, от этой идеи я отказался. Красивые часы, страшно мне нравились, но не хотелось привлекать к себе внимание чересчур дорогой вещью. С практической точки зрения пластмассовых «Касио» с секундометром и будильником, которые я носил всегда, было вполне достаточно. Да и пользоваться ими куда удобнее. И я отправил «Ролекс» обратно в ящик.

Кроме того, забрал фотографию, на которой мы вдвоем со старшей сестрой, маленькие. Карточка тоже лежала в ящике стола. Нас снимали где-то на побережье — мы радостно смеемся. Сестра отвернулась, и по-

ловину ее лица закрывает густая тень. Из-за этого ее радостное лицо будто разделено пополам и напоминает маску из греческого театра — я такую в учебнике видел. В этом лице как бы двойной смысл. Свет и тень. Надежда и отчаяние. Смех и печаль. Вера и одиночество. А я наоборот — без всяких претензий пялюсь прямо в объектив. Кроме нас, на берегу ни души. Сестра — в красном закрытом купальнике в цветочек. На мне страшноватые, растянутые синие трусы. В руке какая-то пластмассовая штука — то ли палка, то ли шест. Под ногами белая пена от набежавшей волны.

Интересно, где это нас сфотографировали? Когда? И кто? Почему у меня такая довольная физиономия? Из-за чего такая радость? И почему отец оставил только это фото? Сплошные загадки. На карточке мне года три, сестре, пожалуй, лет девять. Неужели мы так с ней дружили? Я совсем не помню, чтобы мы всей семьей ездили на море. *Вообще не помню, чтобы мы куда-нибудь ездили.* Но как бы то ни было, я не собирался оставлять отцу эту старую фотографию и запихал ее в кошелек. А маминых снимков не осталось. Похоже, отец их выбросил, все до одного.

Немного подумав, я решил взять мобильник. Отец, наверное, увидит, что его нет, свяжется с телефонной компанией и заблокирует номер. Тогда толку от него не будет. Но я все равно сунул трубку в рюкзак, а следом за ним — и подзарядку. Все равно ничего не весят. Если отключат — выброшу.

В рюкзаке должно быть только самое необходимое. Труднее всего оказалось с одеждой. Сколько брать трусов, маек? Сколько свитеров? Рубашки, брюки, перчатки, шарф, шорты, куртка... И так до бесконечности. Одно ясно: мне совсем не улыбалось шататься по не-

знакомым местам, таская на себе кучу барахла и показывая всем своим видом, что я сбежал из дома. Сразу кто-нибудь внимание обратит. Возникнет полиция, и я опомниться не успею, как меня отправят обратно. А то еще местная шпана привяжется.

Не надо ехать туда, где холодно. Вот что! Это же как дважды два. В теплые края буду пробираться. Тогда и куртка не понадобится. И перчатки. Если не думать о холоде, одежды вполтину меньше понадобится. Я отобрал что полегче, что легко стирать, быстро сохнет и много места не занимает. Слегка примял и запахал в рюкзак. Кроме одежды, уложил туда спальный мешок, выдавив из него воздух и сложив покомпактнее, простой набор умывальных принадлежностей, непромокаемую накидку на случай дождя, тетрадь и шариковую ручку, записывающий плеер «Сони» и с десятков мини-дисков к нему (как же без музыки-то!), запасные батарейки-аккумуляторы. Походные кружки-миски оставил — и тяжелые, и громоздкие. Еды можно купить в любом супермаркете. Я долго сражался со списком вещей — добавлял, потом выбрасывал. Опять дописывал и снова вычеркивал.

Если уходить из дома — то в день рождения. Когда стукнет пятнадцать. Самый подходящий момент. До этого — рановато, а потом, наверное, поздно.

Перейдя в среднюю школу¹, я, готовясь к этому дню, на два года всерьез занялся собой. В младших

¹ Система обязательного школьного образования в Японии включает шесть лет обучения в начальной школе и три года — в средней. Нередко, чтобы лучше подготовить детей к трехлетнему курсу школы высшей ступени — заключительному этапу учебы перед экзаменами в университет, — родители переводят их по окончании начальной в частные средние школы, более престижные и дорогие.

классах ходил на дзюдо и, став постарше, старался не бросать тренировок, хотя в школе ни в какие спортивные секции не записывался. Когда было время, бегал один по стадиону, плавал в бассейне, ходил в спортзал в нашем районе — качал мышцы. Там тренер, молодой парень, бесплатно учил меня делать растяжку, объяснял, как пользоваться тренажерами, как лучше укреплять разные мышцы. Какие мышцы у нас работают все время, а какие только на тренажерах можно развить. Научил правильно качать пресс. К счастью, у меня от природы рост приличный, а с ежедневными упражнениями стали шире плечи, раздалась грудь. Тем, кто не знал меня, вполне могло показаться, что мне лет семнадцать. Выгляди я на свои пятнадцать, вдали от дома мне наверняка пришлось бы тяжело.

Кроме тренера в спортзале, приходившей к нам через день домработницы, с которой мы обменивались парой слов, да одноклассников, без которых совсем нельзя было обойтись, я почти ни с кем не общался. С отцом мы уже давно не виделись. Жили под одной крышей, но в совершенно разных часовых поясах — он целыми днями торчал в своей студии бог знает где. Нечего и говорить, что я старался с ним не сталкиваться и все время был настороже.

Учился я в частной школе, куда собирали в основном отпрысков семей с высоким положением или без него, зато с «толстым кошельком». В ней можно было без проблем дотянуть до школы высшей ступени, главное — не проколоться на чем-нибудь по-крупному. Все ученики как один — с ровными зубами, одеты с иголки, а от их разговоров

скулы сводит. В классе меня, конечно, не любили. Я окружил себя высокой стеной, за которую никого не пускал, да и сам старался за нее не высовываться. Такие люди никому не нравятся. Одноклассники меня остерегались и на всякий случай держались подальше. А может, я чем-то был им неприятен, или они меня боялись. И очень хорошо, что меня никто не трогал. И без них было чем заняться. Свободное время я просиживал в школьной библиотеке и глотал книги, одну за другой. Но на учебу меня тоже хватало — на уроках я слушал учителей во все уши. Делал так, как настойчиво советовал Ворона.

То, чему в школе учат, не больно пригодится в настоящей жизни. Это факт. Учителя ваши почти все — козлы. С этим все ясно. Но ведь ты же *из дома собрался уходить*. На новом месте тебе, скорее всего, будет не до учебы. Значит, нравится или нет, а надо впитывать все, чему вас там учат. Все подряд, без исключения. Как промокашка. Потом разберешься, что оставить, а что выбросить.

Я послушался его совета и, как всегда, принял к исполнению. Сосредоточившись, как губка впитывал каждое слово, что произносилось в классе. Тут же ловил смысл сказанного и запоминал. Поэтому на экзаменах я утирал нос всему классу, хотя после уроков о занятиях уже почти не вспоминал.

Мышцы мои будто наливались железом; я становился все неразговорчивее. Из всех сил старался, чтобы никто не мог по моему лицу прочесть, какое у